

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225

EDN: OGCAFJ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОЙ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛА
В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА (НА МАТЕРИАЛЕ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕЧИ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ)**

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, marita.abazova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей употребления или опущения некоторых личных аффиксов глаголов в современной кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции. В кабардино-черкесском языке личная парадигма глагола выполняет важную семантическую функцию. В статье рассмотрено разнообразие превербов кабардино-черкесского литературного языка, а также то, как они сохранились в речи диаспоры. Лингвистический анализ полевых материалов и записей фоноархива показал некоторые особенности, касающиеся огласованности / неогласованности глаголов в потоке речи респондентов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые на материале разговорной кабардино-черкесской речи диаспоры в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком была проведена работа по выявлению сохранения или утраты личных аффиксов глаголов, которые в языке выполняют смысловую функцию. В результате исследования установлено, что для носителей кабардино-черкесского языка в Турции характерна неполная реализация личной парадигмы глагола – отдельные аффиксы регулярно пропускаются, несмотря на их грамматическую обязательность в литературном кабардино-черкесском языке. Таким образом, в условиях длительной изоляции и влияния иноязычной среды носители языка в диаспоре склонны к упрощению морфологической структуры глагола, что влечёт за собой изменение системы личных окончаний.

Ключевые слова: речь диаспоры; кабардино-черкесский литературный язык; превербы; личные аффиксы глаголов; огласованность глаголов; неогласованность глаголов.

Для цитирования: Абазова М.М. Трансформация личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта (на материале кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225. EDN: OGCAFJ.

© Абазова М.М., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

**TRANSFORMATION OF THE PERSONAL PARADIGM OF A VERB
IN CONDITIONS OF LANGUAGE CONTACT (BASED
ON THE KABARDIAN-CHERKESSIAN SPEECH
OF THE DIASPORA IN TURKEY)**

Marita M. Abazova

Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the use or omission of certain personal verb affixes in the modern Kabardian-Circassian speech of the diaspora in Turkey. In the Kabardian-Circassian language, the personal paradigm of the verb performs an important semantic function. The article examines the diversity of preverbs in the Kabardian-Circassian literary language and how they have been preserved in the speech of the diaspora. A linguistic analysis of field materials and recordings from the phonological archive revealed some peculiarities in the vowelization and non-vowelization of verbs in the speech of the respondents. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, it used the spoken Kabardian-Cherkessian speech of the diaspora in comparison with the literary Kabardian-Cherkessian language to identify the preservation or absence of personal verb affixes that perform a semantic function in the language. The study found that the speakers of Kabardian-Circassian in Turkey have incomplete realization of the personal paradigm of the verb - individual affixes are regularly omitted, despite their grammatical obligation in the literary Kabardian-Circassian language. Thus, in conditions of long-term isolation and the influence of a foreign language environment, the speakers of the language in the diaspora tend to simplify the vocabulary, which entails a change in the system of personal endings of verbs.

Keywords: diaspora speech; Kabardian-Cherkessian literary language; preverbs; personal verb affixes; vowelization of verbs; non-vowelization of verbs.

For citation: Abazova M.M. Transformation of the personal paradigm of a verb in conditions of language contact (based on the Kabardian-Cherkessian speech of the diaspora in Turkey). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225. EDN: OGCAFJ.

© Abazova M.M., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения современного состояния кабардино-черкесской речи черкесской диаспоры за рубежом для выявления степени ассимиляции и продолжения работы по сохранению родного языка в иноязычном окружении. Особую значимость этому исследованию придаёт тот факт, что в современной черкесской диаспоре Турции наблюдается смена поколений: если старшее поколение ещё обладает пассивным знанием грамматических конструкций, то молодые носители языка всё чаще допускают ошибки в личном согласовании, переходя на упрощённые универсальные формы. Поэтому научная фиксация этих процессов помогает сохранить уникальный эмпирический материал, который может служить основой для сравнительно-исторического языкознания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– изучить кабардино-черкесскую речь черкесской диаспоры в Турции для выявления грамматических особенностей;

– провести сравнительный анализ литературного кабардино-черкесского языка и речи диаспоры с целью выявления сходств и различий в личных аффиксах глаголов;

– выявить трансформацию личной парадигмы глагола в речи диаспоры.

Материалом для исследования послужили полевые материалы автора (ПМА), собранные с 2007 г. по настоящее время, а также фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Для сравнительного анализа с литературным кабардино-черкесским языком использовались фундаментальные работы по исследуемой проблеме.

Теоретическую базу исследования составляют труды Г. Ф. Турчанинова [Турчанинов 1946], М. А. Кумахова [Кумахов 1964; 1969], К. Т. Мамрешева [Мамрешев 1969], Т. Х. Куашевой [Куашева 1969], Б. Ч. Бижоева [Бижоев 2000], Р. Х. Дзугановой [Дзуганова 2002; 2005; 2017], Г. В. Рогавы и З. И. Керашевой [Рогава, Керашева 2021], которые стали теоретической базой данного исследования.

Для выявления степени трансформации личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта были использованы различные методы: метод лингвистического анализа текста и сопоставительный метод. Сопоставительный метод применялся для сравнительного анализа материалов полевых исследований с литературным кабардино-черкесским языком, его диалектами и говорами, а метод лингвистического анализа – для определения степени ассимиляции речи черкесской диаспоры за рубежом.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов на спецкурсах по проблемам взаимодействия и взаимовлияния языков. Кроме того, представленные в статье материалы будут полезны при изучении истории, диалектов и говоров кабардино-черкесского литературного языка.

Обсуждение и результаты

В адыгских языках широко развита система провербов. «Состав провербов очень пестрый. Они образуют сложную систему, в которой представлены провербы, выражающие направление действия, локализацию действия и состояния. Для этих провербов выражение направления действия и локализации действия или состояния является их грамматическим значением» [Чкадуа 2012: 35].

В употреблении провербов в речи кабардино-черкесской диаспоры и в литературном языке наблюдается расхождение. Наиболее часто отклонение от нормы отмечается для проверба *къэ*. «Общеадыгский проверб *къэ* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. С помощью этого проверба образуются глагольные основы, которые обозначают направление к говорящему (оттуда сюда). Например: адыг.-каб. *къэ-кӀуэн* «идти сюда», *къэ-сын* «прибыть сюда», каб. *къэ-жэн* «бежать сюда» [Кумахов 1964: 190]. О значениях провербов *къэ//къы* подробно писали Г.В. Рогава и З.И. Керашева, они отмечали, что проверб *къэ* выражает «приближение действия к говорящему или собеседнику: *Пчыхъаишхъэ пшышъэжъыехэр садэжъ къэ-кӀоцтых* – «Сегодня вечером

ко мне придут девушки»; приближения действия к субъекту с оттенком версии в пользу субъекта: *Асхъад Іаби тхылъыпІэу тхъаматэм къ-ыщэигъэр къ-ылихыгъ* – «Асхад протянул руку (туда) и взял (сюда к себе) листок бумаги, который ему протянул (по направлению к нему) председатель» [Рогава, Керашева, 2021: 125].

В литературном кабардино-черкесском языке преверб *къэ-* от имени образует «глагольную основу, которая обозначает направление действия к говорящему, например: *Іуэху* «дело», *къызоІуэху* «сообщаю, передаю сюда», *къоІуэху* «сообщаешь, передаешь сюда», *къеІуэху* «сообщает, передает сюда». В динамических глаголах преверб *къэ-* может не выражать направительного значения. Ср. *къэнэн* «оставаться где-либо»; *къэхъун* «возникать, вырасти». С основами статических глаголов преверб *къэ-* имеет конкретно-локальное значение, например: *къыщысын* «сидеть рядом, со стороны»; *къыщытын* «стоять рядом, со стороны»; *къыщылъын* «лежать рядом со стороны». Ср. также динамический глагол *къэтІысын* «сесть рядом, поблизости» [КЧЯ Т. I, 2006: 200]. Кроме того, «направительный преверб *къэ-*, сочетаясь с глаголами движения, показывает направление «сюда», а суффикс *-с* дополняет, поясняет «до какого места, где и в каком именно месте действие завершается». Такие модели могут употребляться без суффикса *-с*. Ср.: *къэ-пщы-сы-н* «доползти сюда до какого-л. места, предела», но *къэ-пщы-н* «ползти сюда»; *къэ-хъэ-сы-н* «донести что-л. до этого-л. места (сюда)» и *къэ-хъы-н* «нести что-л. сюда» и др.» [Дзуганова 2017: 109].

Следовательно, преверб *къэ-* в литературном языке многогранен: он выполняет смысловозначительную функцию, а его отсутствие делает смысл слова неполным, однако в контексте значение выражаемой мысли становится понятным. Сравнительный анализ лингвистического материала речи диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал некоторые расхождения в употреблении исследуемого преверба *къэ-*. В речи большого количества респондентов отмечается отсутствие преверба *къэ-//къы-*, который по нормам языка должен присутствовать. Например:

Арапыбзэм къыхэчІыу [къы]хыхъай тыркубзэм къыхэчІыу [къы]хыхъаи хэтс (ПМА, Къущхъэ I.) («Что-то (слова) вошло [в язык] из арабского языка, а что-то из турецкого языка»). На этом примере мы видим, что в одном случае респондент употребляет *къы-* (*къыхэчІыу* – «выйти»), а глагол *хыхъэн* («войти») употреблён без преверба, хотя по контексту подразумевается направление из одного языка в другой, то есть *къыхыхъэн*.

Лисэри Къайсэр [къы]ызух'ас (ПМА, Щоджэн Э.) («Лицей закончила в Кайсери»). *Гуэдз, арпэ, аос мартым дей хыдолъхъэри мазитІ -мазищ мэхъури [къы]хыдохыж* (Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079) («Пшеницу, ячмень, овес сажаем в марте, через два-три месяца собираем [букв. извлекаем]»). *Игы сэ илъэсипІым сэ си гъусэу лэжъау, унверстетыр [къы]яух'ау, куэд дохъу, аһэм тыркуыбзэ, ингылыбзэ [къы]хэчІау псалъэ куэд къапсэль дыщыгушыІэчІэ* (ПМА, Къэрабэ М.) («Со мной уже в течение четырех лет работают много [ребят], которые закончили университет, но в речи употребляют много слов из турецкого и английского языков»).

В своём исследовании Б.Ч. Бижоев также отметил как отсутствие преверба направления *къэ-*, так и случаи смешивания различных превербов в речи «зарубежных кабардинцев», назвав такое явление частым, и привёл примеры: «*Лло хъур вл. лло къэхъур* (что получается), *мырац хъуар вместо мырац къэхъуар* (вот что случилось)», а также случаи одновременного использования превербов *къэ-* («сюда») и *нэ-* («туда»), которые в литературном языке выражают противоположные направления: «*къынэсахъэс вместо къэсахэщ* (прибыли), *къынэзгъэсыну вместо къэзгъэсынуц* (довезу, доведу сюда)» [Бижоев 2000: 212].

Аналогичное явление зафиксировано и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. К.Т. Мамрешев писал о том, что в баксанском диалекте опускается направительный преверб *къэ-*, в отличие от литературного кабардино-черкесского языка, в котором он сохраняется. «Чаще данное явление встречается в речи жителей Старой Крепости и Кызбруна III, но оно может быть отмечено у отдельных индивидов и в Кызбруне II. *Щлэгъуалэм уэшх нэужьым бгыщхэмэ уэрэдхэр щыхадзэ* (ср. лит. *къыщыхадзэ* «начинают», букв.: «начинают сюда, к нам»). – Молодежь после дождя на вершине холма песни начинает. *Мы жыгыжъмэ деж щыспэллэ* (ср. лит. *къыщыспэллэ* «жди меня [отсюда]»). – «Возле этого старого дерева ты меня жди [отсюда]»). По мнению исследователя, «отпадение преверба *къы-*... – явление более новое, отражающее путь внутреннего развития кабардинского языка» [Мамрешев 1969: 262].

Отсутствие направительного преверба *къэ-* в тех случаях, когда он есть в литературном языке, и, наоборот, его наличие там, где в литературном языке он отсутствует, выявлено М.А. Кумаховым также в кубанском диалекте; он приводит такие примеры: «*УкышъыкIуакIэ тIэкIу къышъыс*» («Раз пришёл, немного посиди»); «*Кодрэ гутиъыса [къэ]хъуар имышIэу*» («Не зная о том, что случилось, он долго думал»). Он отмечал, что подобные отклонения от литературного кабардино-черкесского языка часто встречаются в диалекте [Кумахов 1969: 223].

Расхождение в употреблении преверба *къэ-* между литературным языком и моздокским говором выявляла Т.Х. Куашева. Разной «между моздокским говором и литературным языком выражается в том, что преверб *къэ* в моздокском говоре употребляется в тех случаях, где он отсутствует в литературном языке, и, наоборот, где в литературном языке он присутствует, – отсутствует в говоре: *Сыт хъуа? Хъуар арась – Сыт къэхъуа? Къэхъуар арац* («Что случилось? Случилось то»)» [Куашева 1969: 142].

В речи некоторых представителей кабардино-черкесской диаспоры отсутствует префикс *щы-* в значении «направления». Например: *Туркиеми, Джорданми, Суриеми, Америкэм кIуауэ [що]мэпсэу адыгэхэр* (Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078) («Адыги живут и в Турции, Иордании, Сирии, Америке»); *Сэ хэкум сы[щы]кIуам сеплъас ды хабзэм теухуау, ди псэучIэм теухуау куэд зэпрычIым* (ПМА, Щоджэн М.) («Когда поехал на Родину, посмотрел на их обычаи, как они живут, насколько различаются»); *Мыр сэ лъэс пщыкIуэтху лъандэрэ Туркием [щы]сощIэ* (ПМА, Шурдым Г.) («Этим я в Турции занимаюсь уже пятнадцать лет»). В данных примерах опущен преверб *щы-*, который указывает на конкретное место.

Такое явление Г.Ф. Турчанинов отмечал в моздокском диалекте: «*къэс-кIухъащ* – я бродил, скитался, вместо *къыщыскIухъащ*; *сызэрыльазьэр* – я там работающий вместо *сызэрыщылажьэр*» [Турчанинов 1946: 229].

Особенности употребления некоторых личных префиксов в речи диаспоры

Расхождение между литературным кабардино-черкесским языком и речью кабардино-черкесской диаспоры отмечается также в *неогласованности* [т.е. пропуске] некоторых глаголов префиксом *къэ-/къы-*, иначе говоря, наблюдается *аффера* этого префикса. «Префикс *къэ-* выступает как компонент, необходимый для построения парадигматических рядов» [КЧЯ Т. I, 2006: 168]; его отсутствие искажает смысл, поскольку личные формы глагола образуются именно с помощью преверба *къэ-/къы-*.

Примеры отпадения / выпадения *къэ-/къы-*: [*Къы*] *ЯгуроIуэ, нэхъыщIэ цIыкIум зытIэкIуи зрехъэ, нэхъ унверстетым бизнесым хыхъа нэужьчIэ адрер зрахъэурэ-зрахъэурэ зы тIэкIу яIэщIочI, фи жагъуэ зэрыхъунси* (ПМА, Хьэгъундокъуэ Я.). («Младший немного понимает и разговаривает, но после поступления в университет, когда начинает заниматься бизнесом, потихоньку забрасывает язык – к нашему сожалению»). Здесь идиома *ягуроIуэн* («понимать») употреблено вместо *къыгурыIуэн* («он понимает»).

Зыгуэр ищIэнымэ ищIэт, сыгъуэгыну [къы]фIэщIти, къакIуурэ къысчIэлъыплът (ПМА, Тохъу Н.). («Если нужно что-то делать, делал, но ему казалось, что я буду плакать, поэтому время от времени посматривал, не плачу ли я»). Здесь *фIэщIын* («казаться») использовано вместо *къыфIэщIын* («ему казалось»).

Абы щыгъуэ у[къы]щытыIыхуам нобэм дыкъэсыну зичI сигугъаIым (ПМА, Ярум Г.). («Тогда, когда мы тебя узнали, я даже не подумал, что наше знакомство продолжится до сегодняшнего дня»). Глагол *ущытыIыхуам* («познакомиться») – вместо *укъыщытыIыхуам* («мы с тобой познакомились»).

В литературном языке глаголы с префиксом *къэ-* проявляют особенности в распределении личных аффиксов, а его отсутствие меняет смысл.

В речи кабардино-черкесской диаспоры нередки также случаи *неогласованности* [т.е. пропуска] личными аффиксами. В кабардино-черкесском литературном языке категория лица в глаголе выражается определёнными личными аффиксами. «Путём присоединения к своей основе личных префиксов и расположения этих префиксов в определённом порядке глагол в кабардино-черкесском языке выражает отношение обозначаемого действия к лицам – 1-му, 2-му, 3-му. Эти личные префиксы показывают, что субъектом или объектом обозначаемого глаголом действия является 1-е и 2-е или 3-е лицо» [ГКЧЯ 1957: 108].

Отклонение от литературного языка наблюдается и в отсутствии личных аффиксов в речи диаспоры, которые, однако, легко восстанавливаются из контекста. Например: *Шэ Нальчик унверстетэм [сы]недгъэблэгъати, абы мыбы теухуау сыпсэIас* (ПМА, Шурдым Г.). («Три раза приезжала в Нальчикский университет и выступала по этой теме»). В контексте *недгъэблэгъати* («он приезжал») вместо

сынедгъэблэгъати («я приезжала») – отсутствует префикс 1-го лица единственного числа *сы-*. *Ухуеймэ аһэри Сиуас къалэ нрекӀуи, абы дыщыпсэунс псори [ды]зэгъуэсу* (ПМА, Щоджэн Э.) («Если хочешь, пусть они тоже поедут в Сивас, и будем все жить вместе»). Глагол *зэгъуэсу* («вместе») вместо *дызэгъуэсу* («все вместе») – отсутствует префикс множественного числа 1-го лица *ды-*.

Мыр хъун хуейӀым, мыр лӀо щӀэхъуар зо [зы]щызгъэтчӀим щызгъуэ мы экзаминыр щыӀутхам зыгуэрэ къыхэтиэнуну ӀутхаӀым (ПМА, Щоджэн Э.) («Я строго сказала, почему так случилось, хотя этого не должно было быть. Мне ответили, что экзамен был назначен не для того, чтобы кого-то принять»). В контексте глагол *зыгъэтчӀим* («быть строгим») вместо *зыщызгъэтчӀим* («когда я приняла строгий вид») – отсутствует личный префикс 1-го лица единственного числа *зы-* (в данном контексте – возвратно-личный).

Гуьгъухьышхуэ сехъауэ жы[с]ӀынӀым (ПМА, Къуцхъэ I.) («Я бы не сказала, что было очень тяжело»). Здесь отсутствует префикс 1-го лица единственного числа *с-* (должно быть *жысӀэнӀым*).

Гъуэгур жыжъэт, зытӀэкӀу гуьгу [с]ехъас (ПМА, Токмакъ А.) («Дорога дальняя, немного тяжеловато было мне»). В этом примере респондент использует глагол *ехъас* (с префиксом 3-го лица *е-*), тогда как по грамматическим нормам литературного языка следует говорить *сехъас* (с префиксом 1-го лица *с-*). Таким образом, вместо префикса 1-го лица единственного числа *с-* использован префикс 3-го лица единственного числа *е-*.

Нарушение принципа огласованности / неогласованности выявлено Б.Ч. Бижоевым. Он приводил пример: «*Дэ, пцӀэрэ, ӀэльэщӀ дытемьлӀу куэбжэпэм дыууу ядаӀым...*» – «Нам, знаешь, не позволялось выходить со двора без платка на голове» [Бижоев 2000: 212], отмечая замену *дытемьлӀу* на *ттемьлӀу* и наличие «иррационального» *ы* вместо нулевого гласного. Б.Ч. Бижоев также выявил в речи диаспоры, проживающей в различных странах, смешение превербов и привёл такие примеры: «*игы нэсыхун* вместо *иджы къэс(ыхунчӀэ)* «до сих пор»; *къэкӀуахъэс* вместо *нэкӀуахэщ* «ездили к вам»; *тегъэкӀын* вместо *дэгъэчӀын* «пропустить»; *зыфӀэигъуэр* вместо *щыфӀэигъуэр* «почему он считает необходимым»» [Бижоев 2000: 212–213].

Итак, функционирование кабардино-черкесского языка в течение длительного периода в иноязычной среде привело к различным лингвистическим отклонениям от литературного кабардино-черкесского языка, в частности – в системе личных аффиксов.

Заключение

Проведённое исследование кабардино-черкесской речи диаспоры в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком на исторической родине продемонстрировало, что в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции отмечаются грамматические особенности, отличающиеся от норм лите-

ратурного языка, однако некоторые из них сохранились также в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Как в диаспоре, так и на исторической родине в отдельных диалектах и говорах закрепились грамматические показатели утверждения и отрицания: копула-суффикс *щ* → *с*, *къым* → *Ым*, а также грамматический показатель множественного числа *хэ* → *һэ*. В речи диаспоры отмечаются отклонения в употреблении аффиксов *р-*, *м-*, *у-//уэ*, а также неогласованность глаголов с превербами, которые несут смысловозначительную нагрузку.

В перспективе выявление новых грамматических особенностей речи черкесской диаспоры не только в Турции, но и в других странах, где проживает большое количество диаспорантов, даст возможность составить более полную картину трансформации грамматической системы кабардино-черкесского языка в условиях длительного иноязычного окружения.

Материалы исследования

Фоноархив Института гуманитарных исследований – филиала федерального государственного бюджетного научного учреждения Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук: фонотека.

Кассеты, фонд 1078 № 744 ф/17; 1079 № 744 ф/18.

ПМА (Абазовой М.М.), собранные с 2007 г. по настоящее время в Турции:

Ф-А № 0011 2009 (Къэрабэ Муфит, 56 лет, Стамбул);

Ф-А 6660 – № 1 2023 (Щоджэн М.; 42 года, Стамбул);

Ф-А 0031 2024 (Къущхъэ I. Турция);

Ф-А 2325 № 5 2023 (Шурдум Г., 60 лет, Стамбул);

Ф-А 0035 2024 (Хьэгъундокъуэ Я., Узун-Яйла);

Ф-А 7497 № 18 2024 (Тохъу Н. 86 лет, Узун-Яйла);

Ф-А 1941 № 7 2023 (Яурум Гунзель, 60 лет, Стамбул);

Ф-А 2233 № 12 2023 (Щоджэн Э., 65 лет, Узун-Яйла);

Ф-А 0034 2024 (Токъмакъ А., 73 года, Узун-Яйла);

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – С. 201-241.

ГКЧЛЯ 1957 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – Москва: изд-во академии наук СССР, 1957. – 240 с.

Дзуганова 2005 – *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 216 с.

Дзуганова 2017 – *Дзуганова Р.Х.* Особенности функционирования глагольного суффикса –с в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2(76). – С. 108-112.

Дзуганова 2002 – *Дзуганова Р.Х.* Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2002. – 115 с.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 119-189.

Кумахов 1969 – *Кумахов М.А.* Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 190-249.

Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во 1964. – 272 с.

- КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык в двух томах. – Т. I. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 552 с.
- Мамрешев 1969 – *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 249-290.
- Рогава, Керашева 2021 – *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка (Переиздание). – Майкоп: Качество, 2021. – 480 с.
- Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев // Ученые записки. – Нальчик: кабгосиздат, 1946. – С. 203-241.
- Чкадуа 2012 – *Чкадуа Л.П.* Избранные труды II. – Сухум: Дом печати, 2012. – 449 с.

REFERENCES

- BIZHOEV B.CH. *Rech' kabardino-cherkesskoi diaspory v Sirii, Iordanii, Turtsii* [Speech of the Kabardian-Cherkessian diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. In: *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura*. – Nal'chik: El'-fa, 2000. – P. 201-241. (In Russ.).
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardian-Cherkessian literary language]. – Moskva: izd-vo akade-mii nauk SSSR, 1957. – 240 p. (In Russ.).
- DZUGANOVA R.KH. *Morfologicheskie protsessy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardian-Cherkessian word formation]. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 216 p. (In Russ.).
- DZUGANOVA R.KH. *Osobennosti funkcionirovaniya glagol'nogo suffiksa – s v kabardino-cherkesskom yazyke* [Features of the functioning of the verb suffix -s in the Kabardian-Cherkessian language]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2017. – № 2(76). – P. 108-112. (In Russ.).
- DZUGANOVA R.KH. *Suffiksalye glagoly v kabardino-cherkesskom yazyke* [Suffixal verbs in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: KBNTS RAN, 2002. – 115 p. (In Russ.).
- KUASHEVA T.KH. *Terskie govory* [Terek dialects]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 119-189. (In Russ.).
- KUMAKHOV M.A. *Kubanskii dialekt* [Kuban dialect]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 190-249. (In Russ.).
- KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo 1964. – 272 p. (In Russ.).
- Kabardino-cherkesskii yazyk v dvukh tomakh* [Kabardian-Cherkess language in two volumes]. – Т. I. – Nal'chik: El'-fa, 2006. – 552 p. (In Russ.).
- MAMRESHEV K.T. *Baksanskii dialekt* [Baksan dialect]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 249-290. (In Russ.).
- ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka (Pereizdanie)* [Grammar of the Adyghe language (Reprint)]. – Mai-kop: Kachestvo, 2021. – 480 p. (In Russ.).
- TURCHANINOV G.F. *Materialy po dialektu mozdokskikh kabardintsev* [Materials on the dialect of the Mozdok Kabardians]. In: *Uchenye zapis-ki*. – Nal'chik: kabgosizdat, 1946. – P. 203-241. (In Russ.).
- CHKADUA L.P. *Izbrannye trudy II* [Selected works II]. – Sukhum: Dom pechati, 2012. – 449 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.M. Abazova – Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 14.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 14.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.